

Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

В. Ф. ГЕНИНГ

К ВОПРОСУ О ПРОДВИЖЕНИИ СИБИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЕ ПРИУРАЛЬЕ в I тыс. н. э.

Урал со времени заселения его человеком был областью контакта двух больших этнокультурных массивов: азиатского — на востоке и европейского — на западе. Урал, в самом широком понятии этой географической области, вместе с Западной Сибирью являлись колыбелью формирования финно-угорских народов. Культура первобытных обитателей Урала, сохраняя самобытность, постоянно впитывала много элементов культуры как восточного, так и западного происхождения. Однако едва ли все новые элементы в материальной и духовной культуре уральского населения можно относить только за счет связей и контакта. Нередко эти элементы были восприняты в результате известного притока сюда новых этнических образований. Крупные этнические перемещения происходили и внутри обширной Уральской области.

Особенно интенсивно происходил один из таких процессов в Западном Приуралье в I тыс. н. э. в эпоху великого переселения народов. На грани нашей эры в Западном Приуралье, а по всей вероятности и Восточном, происходит формирование постоянных племенных союзов на весьма ограниченных территориях. Тесное сплочение населения внутри племенных союзов и обособление каждого из них от соседнего закладывают основы культуры и языка будущих самостоятельных народностей Прикамья. Современные данные позволяют наметить четыре таких племенных союза — пьяноборский, уфимский, осинский и гляденовский. Последние два явились исходными в развитии удмуртской и коми-пермяцкой народностей.

Материальная и духовная культура племенных союзов Прикамья сложилась на базе дальнейшего развития культуры населения ананьинской общности¹. Наиболее характерные черты культуры прикамских племен — своеобразная керамика в виде низких чаш с округлым дном, изготовленных из глины с примесями толченых раковин, и жилища в виде наземных прямоугольных срубов с открытыми очагами-кострищами².

В период III—VIII вв. в культуре западноприуральского населения появляется масса новых элементов, резко отличных от местных. Характер этих элементов исключает возможность местного возникновения и свидетельствует о мощном притоке населения из других областей. К

¹ В. Ф. Генинг. Пьяноборская культура на Средней Каме. Автореф. канд. дисс., Казань, 1959. Его же. Осинское городище. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Ин-та археологии АН СССР, 1959, стр. 174 и сл.

² В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, вып. 2, 1959.

числу таких новых элементов относятся следующие: ряд новых приемов погребального обряда, полужемляночные жилища, новые технические приемы изготовления посуды, новые ее формы и орнаментация и ряд других менее существенных деталей. Эти элементы проявляются в отдельных микрорайонах Прикамья в самых различных сочетаниях, что свидетельствует о довольно сильной этнической пестроте прикамского населения III—VIII вв. Совершенно меняется этнокультурная карта Прикамья.

Керамика. В отдельных районах по-прежнему преобладают традиционные прикамские чаши. Но в ряде случаев примешивание к глине, кроме толченных раковин, песка изменило в какой-то степени технологию обжига и внешний вид посуды. Наряду с этим появляются совершенно новые типы посуды.

1. Бахмутинский — высокие круглодонные сосуды из глины с примесями гальки в тесте, покрытые по поверхности беспорядочными наколами³. Керамика подобного типа для ранних периодов в других районах известна очень мало. Близок к ней сосуд из жертвенного места Сузгун II в Зауралье⁴. Следует отметить находки подобной керамики на западносибирских городищах XII—XVI вв.⁵

2. Кушнарниковский — шаровидные или вытянутые сосуды с узким высоким горлом, покрытым густым изящным орнаментом из тонких резных линий, крестовидных насечек, мелких в виде «гусеничек» отпечатков шнура и гребенки. Сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины с примесями чистого песка⁶. Поверхность часто покрыта ангобой и хорошо заглажена. Изредка встречаются подобные сосуды с уплощенным дном. Сосуды, близкие по форме и орнаменту, найдены в незначительном количестве в Зауралье в погребении 8 Перейминского могильника⁷ и среди сосудов из Мысовских, Подчевашских, Тюковского и Саргатских курганов⁸. В. Н. Чернецов считает подобный тип керамики характерным для протомадьярской группы племен, обитавшей в лесостепной полосе Западной Сибири⁹. Сосуды этого типа как в Сибири, так и в Прикамье обычно небольшого размера, что свидетельствует о каком-то специальном назначении. По всей вероятности, бытовая посуда этого этноса имела несколько иные формы и не была столь роскошно орнаментирована. Из материалов как поселений, так и могильников известны сосуды, изготовленные этой же техникой, но имеющие плоскодонную горшковидную форму¹⁰.

3. Плоскодонные горшковидные сосуды из глины с примесью песка и шамота¹¹. У многих сосудов поверхность покрыта ангобой; орнамент,

³ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Ж. «Хозяйство Башкирии», № 8—9, 1929, рис. 17; В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, рис. 30—5; Н. А. Мажитов. Поселения бахмутинской культуры. Башкирский археолог. сб. Уфа, 1959, рис. 5.

⁴ В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 58, 1957, табл. III, рис. 2.

⁵ В. П. Левашова. О городищах Сибирского юрта. СА, № XIII, 1950, стр. 341, табл. II, рис. 3.

⁶ Н. А. Мажитов. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы. Башкирский археолог. сб. Уфа, 1959, рис. 3. Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, № XXII, 1955, табл. X, рис. 3, 4.

⁷ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. МИА, № 58, 1958, табл. XV.

⁸ П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы. Тр. РАНИОН, IV, 1928, рис. 1—2; В. И. Мошинская. Городище и могильник Подчеваш. МИА, № 35, 1958.

⁹ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰ Н. А. Мажитов. Указ. соч., табл. I и III. СА, № 4, 1958, рис. 4—4.

¹¹ Н. А. Мажитов. Указ. соч., табл. I и III; В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1957, рис. 30—4, 6; К. В. Сальников. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тыс. н. э.

как правило, отсутствует; лишь в некоторых районах венчики сосудов украшались насечками. Большинство сосудов чрезвычайно грубой выделки, но встречаются (особенно часто в могильниках) и сосуды с гладкой и даже подлощенной поверхностью (Кушнарженково, Ново-Турбаслы). Вопрос о происхождении этого типа посуды, распространенного в I тыс. н. э. на значительном пространстве, в том числе и в Западной Сибири, не может быть пока решен за неимением достаточно полного и хорошо обработанного материала.

4. Круглодонные сосуды, близкие по форме к прикамским чашам и сосудам кушнарженковского типа¹². В глиняном тесте имеются примеси мелкого шамота; орнамент по шейке состоит из елочек и других резных узоров и очень часто — из ямочных сколов изнутри, образующих на внешней поверхности бугорок. Форма и резная орнаментация не исключают продолжения прикамских традиций, но примеси шамота и ямочно-бугорчатая орнаментация чужды Прикамью. Близкие формы сосудов и особенно орнамент имеются в Зауралье¹³ и Западной Сибири, где ямочно-бугорчатая орнаментация восходит к эпохе бронзы¹⁴.

В орнаментации собственно прикамских чаш в I тыс. н. э. следует отметить широкое распространение шнуровых отпечатков по горловине в виде густого пояска, иногда до 21 ряда шнура. Происхождение этого орнамента едва ли прикамское. В ананьинской керамике шнуровой орнамент довольно распространен, но поясок его содержит обычно не более 3—4 рядов, а в позднеананьинских и послепозднеананьинских памятниках шнуровой орнамент почти не встречается¹⁵. Густой поясок шнура весьма характерен в орнаментации керамики протомансийских групп зауральского населения¹⁶, с которыми и связывается широкое распространение подобного орнамента в северных районах Прикамья. В чепецкой (удмуртской) погребальной керамике наряду со шнуровым орнаментом широко употребляется решетчатый штамп¹⁷, восходящий также к зауральской керамике протохантыйских племен¹⁸.

Жилища. В северных районах Прикамья сохранились жилища в виде наземного сруба прямоугольной формы¹⁹. На юге же повсюду сооружались жилища в виде полуземлянок с котлованами размером 4—5×5 м и глубиной от 50 до 100 см (Рождественское, Ново-Турбаслинское, Кушнарженковское селища). Полуземлянки имеют центральный опорный столб и четырехскатное засыпанное землей перекрытие. Очаги внутри жилища были приподняты над полом какими-то сооружениями, вероятно, деревянными рамами²⁰. Полуземляночные жилища характерны для сибирского круга культур в эпоху железа не только степных, но и лесных областей.

Погребальный обряд. Прикамские захоронения совершались обычно в простых прямоугольных ямах. Основной формой погребения было трупоположение на спине. В гляденовской культуре получил распространение весьма своеобразный обряд трупосожжения и захоронения на

¹² К. В. Сальников. СА, № 4, 1958, рис. 3—4.

¹³ К. В. Сальников. Городище «Чудаки» Челябинской области по раскопкам 1937 г. СА, № IX, 1947, рис. 3, 4; Егоров же. Исетские древние поселения. СА, № XXI, 1956; рис. 17, 18; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956.

¹⁴ Н. Л. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, № XXIII, 1955, рис. 4, 5.

¹⁵ В. Ф. Генинг. Осинское городище, стр. 193—194.

¹⁶ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 180.

¹⁷ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, рис. 43—44—16.

¹⁸ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 180.

¹⁹ В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья, рис. 16.

²⁰ Там же, рис. 24.

кострищах²¹. В III в. в некоторых районах появляются курганные захоронения с грунтовыми подкурганскими ямами. На раннем этапе курганы сооружаются с кольцевыми канавками, на позднем — с ямами по краям. Под одной насыпью чаще всего обнаруживалось одно погребение, но нередко и несколько, числом до 12²².

По форме могильных ям и устройству внутримогильных сооружений выделяются несколько типов могил:

1) широкие ямы со срубом в один венец, берестяной подстилкой и перекрытием из плах²³. Обычно эти могилы имеют курганные насыпи. Совершенно аналогичное устройство внутримогильных сооружений встречено в погребениях Козловского курганного могильника на Андреевском озере²⁴, Усть-Тартасского курганного могильника в Барабинской степи²⁵ и на ряде других памятников Зауралья²⁶ и Сибири²⁷;

2) ямы с заплечиками вдоль продольных стен, ширина заплечиков не более 10—15 см, а глубина могилы ниже заплечиков на 23—30 см (Кушнарниковский могильник);

3) ямы с заплечиками типа предыдущей группы и с большими нишами — подбоями у изголовья²⁸;

4) ямы с 2—3 ступеньками в изголовье (Бирский могильник);

5) ямы, обставленные вдоль стенок крупными каменными плитами. Нередко плиты подложены под костяк и перекрывают его сверху²⁹;

6) ямы квадратных или слегка вытянутых очертаний, очень небольшого размера (60—80 × 40—60 см) с овальным или ступенчатым дном. Этот тип характерен для погребений с трупосожжениями³⁰. Некоторую близость к этому обряду имеют два более поздних погребения из Басандайки у г. Томска³¹. Трупосожжение — нередкое явление в культурах Сибири с глубокой древности до самого позднего времени.

Еще о некоторых особенностях погребального обряда. В прикамских погребениях украшения и принадлежности костюма располагаются обычно в погребениях на костяке в том положении, в каком они носились при жизни. В эпоху III—V вв. в определенном кругу памятников, которые можно связывать с угорскими племенами, распространяется обычай помещать большинство украшений в специальный берестяной сосуд и ставить его чаще у изголовья. Роскошные поясные наборы кладутся в могилу обычно вдоль умершего³². Широко распространяется

²¹ В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, вып. 57, 1955; Ег о же. Очерк этнических культур Прикамья, стр. 166—174.

²² В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье, стр. 116.

²³ В. Ф. Генинг. Могильник Качка. Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Ин-та Археологии АН СССР, 1959.

²⁴ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э., стр. 164.

²⁵ ОАК за 1895 г., СПб., 1897, стр. 41 и сл.; Отчет М. С. Чугунова о раскопках в 1896 г. в Каинском округе Томской губернии. ОАК за 1896 г., СПб., 1898, стр. 221.

²⁶ И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 314, 315.

²⁷ А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Уч. зап. Томского пед. ин-та, т. X, 1953, стр. 169; З. Я. Бояршинова. Погребальный ритуал в Басандайских курганах. Сб. Басандайка, Томск, 1948, стр. 159—160.

²⁸ Н. А. Мажитов. Курганный могильник у д. Ново-Турбаслы.

²⁹ В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, рис. 31; Н. А. Мажитов. Чиатауский могильник. Башкирский археолог. сб. Уфа, 1959, стр. 2, 3, 4.

³⁰ В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождествено в Татарии. МИА, № 80, 1960.

³¹ А. П. Дульзон. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке. Сб. Басандайка, Томск, 1948, стр. 69, 79.

³² В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, стр. 79, рис. 31; Ег о же. Очерк этнических культур Прикамья, стр. 189.

также обычай помещать в могилу череп, ноги и хвост коня. Этот обряд связан с какими-то изменениями в идеологии, получившими очень широкое распространение, и потому не может считаться специфичным для какого-либо одного этноса. Необходимы дальнейшие исследования этого обряда в деталях.

Украшения. Из украшений, которые могут служить определяющими в отношении этноса, следует отметить появление височных подвесок в виде знака вопроса (чаще всего с замкнутым верхним кольцом и напускной бусой на стержне)³³. Подобные подвески в несколько более позднюю эпоху, а может быть, и раньше, широко использовались сибирским населением³⁴.

В прикамских культурах послепалеолитического времени, за исключением гляденовской, полностью исчезают зооморфные фигуры в искусстве, которое приобретает ясно выраженный геометрический стиль. В III—V вв. наступает новая волна распространения зооморфных изображений, довольно реалистичных, но с весьма ограниченным видовым составом изображаемых животных. Это, преимущественно, фигуры коня³⁵, медведя и птицы³⁶. По технике исполнения и мотивам эти фигурки разделяются на плоские (конь) и объемные (медведь, птицы). Первый тип связан с культурами южных районов Прикамья, второй — северных. Объемное литье находит аналогии среди материалов зауральских культур, связанных с уграми.

Население, пришедшее в Прикамье в III в. было оседлым. Об этом свидетельствуют остатки постоянных и довольно длительных поселений. Постоянный характер поселений четко выступает в южных районах — в лесостепной полосе, где можно было бы ожидать наличия кочевнических элементов. В хозяйстве пришлое население ведущую роль играло земледелие, уже довольно развитое (находки серпов и кос, круглых каменных жерновов с отверстиями, примитивных ральников). Значительное место занимало и разведение домашних животных, особенно лошадей.

Абсолютное большинство аналогий в материальной культуре пришлого населения Прикамья ведет к различным районам Зауралья и Западной Сибири. В большинстве своем эти аналогии дают синхронную линию развития, а не предшествующую, исходную. (Объяснение этому мы видим в чрезвычайно слабой изученности сибирских памятников рубежа н. э., т. е. предшествовавших развитию как собственно сибирских культур III—VIII вв., так и западноприуральских). Другие области не дают ни исходных, ни синхронных аналогий.

В этническом отношении достаточно ясно выступает угорская принадлежность большинства пришлого населения. В северных районах Прикамья это были преимущественно ханты-мансийские группы, которые оказали лишь некоторое влияние на развитие культуры местных пермских племен и были ассимилированы последними³⁷. В средней полосе, к югу от Камы и ближе к Уралу, преобладали угорско-мадьярские элементы, которые полностью ассимилировали местные племена.

³³ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции, рис. 7; В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, рис. 32—1, 39—1.

³⁴ В. С. Синяев. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. СА, № XIII, 1950, рис. 5—10; С. Чугунов. Материалы для антропологии Сибири. Вып. VIII. Изв. Томского ун-та, кн. XVI, 1898.

³⁵ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, № 58, 1957, табл. VII; В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, рис. 35—7, 42—16.

³⁶ Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых. МАР, СПб., № 26, 1902, табл. IV, VI; В. Ф. Генинг. Могильник Качка, стр. 208.

³⁷ В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья..., стр. 197.

От Волго-Камского устья и далее на Правобережье Волги, включая низовья рек Свяги и Суры на западе и до верхнего течения р. Белой на востоке, проходила полоса сильно смешанных групп населения, за исключением, возможно, самых западных районов. В составе этих групп значительное место занимали мадьярские племена (Стерлитамакский, Кушнаренковский могильники).

Вопрос о мадьярской принадлежности памятников бассейна р. Белой уже неоднократно поднимался в литературе. Однако недостаточная изученность района лишала гипотезы фактической базы. В настоящее время этот пробел начинает ликвидироваться. В литературе уже отмечалось, что названия башкирских племен юрматы и еней совпадают с названиями племен, бывших в составе венгерского объединения в период его прихода на Дунай. Известно, что этих племен было семь: мадьяр, ньек, курт-дьярмат, тарьян, енё, кер, кеси³⁸. Приведенные выше сопоставления можно дополнить. Среди башкирских племен XVIII в. сохранилось еще несколько названий родов и родовых подразделений, имеющих аналогии в названиях мадьярских племен. В составе племени табын имелись роды кесе-табын и бишаул-унгар с родовым подразделением калман³⁹. В составе нескольких других племен было до семи подразделений кыр (кир) и мешер⁴⁰. Известно также, что память о башкирской прародине сохранили венгерские легенды, записанные Анонимом в конце XII в.; а в XIII в. монах Юлиан, отправившийся из Венгрии на поиски части своего народа, оставшегося в неверии, нашел в районе устья р. Белой народ, язык которого был очень близок мадьярскому⁴¹. Но в составе венгерского объединения были не только мадьяро-угры. Довольно многочисленную часть составляли турки, о чем свидетельствуют и названия племен, где последние пять из приведенных выше имеют тюркское происхождение⁴². Уместно также вспомнить, что арабские источники упорно считают венгров тюркским народом.

В свете имеющихся в настоящее время археологических материалов достаточно четко выступает двукомпонентность этнического состава населения бассейна р. Белой в I тыс. н. э. Наиболее четко это отражено в керамике. Различные вариации круглодонных форм сосудов находят аналогии среди памятников, угорская принадлежность которых не вызывает существенных возражений. Но круглодонной керамике повсюду сопутствуют плоскодонная, горшковидная, которую мы склонны приписывать населению тюркского происхождения, хотя прямых аналогий в археологическом материале пока найти не удалось. Существует ряд косвенных доказательств проникновения тюркских элементов в Прикамье именно в эту эпоху, начиная с III в.

В удмуртском языке появление терминов серп (сюрло), седло (енер), деньги (уксё), участок земли (удыс), глава большой семьи (кузо), верховный жрец (тёре), сосед (бускель) и др. относится к интересующему нас времени. Все эти термины имеют тюркское происхождение и заимствованы из языка типа чувашского⁴³, который, по мнению лингвистов, является одним из древних языков, рано отделившихся от

³⁸ Эрик Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 13. Budapestini, 1955, стр. 134.

³⁹ Р. Кузеев. Очерки этнической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957, стр. 52.

⁴⁰ С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л. 1955, стр. 56—59.

⁴¹ Эрик Мольнар. Указ. соч., стр. 97—99.

⁴² Там же, стр. 134.

⁴³ В. И. Лыткин. Из истории словарного состава пермских языков. Вопросы языкознания, № 5, 1953, стр. 61; И. Н. Смирнов. Вотяки. Изв. ОАИЭ, т. VIII, вып. 2, Казань, 1890, стр. 46, 50.

остальной массы тюркских языков⁴⁴. Чувашский язык связывается обычно с волжско-болгарским⁴⁵. Известно, что слово «чуваш» возводят к слову «саваз», или «суаз», упоминаемому Ибн-Фадланом. А. П. Ковалевский, анализируя тексты Ибн-Фадлана, пришел к ряду выводов, из которых два представляют для нас интерес. Первый сводится к тому, что волжско-болгарский язык по своим фонетическим особенностям отличался от чувашского и что в X в. на «Волге существовали с одной стороны болгарские племена,— в основном три: собственно болгары, эскэл и барсула,— с другой стороны большое племя или «народ», носивший название «саваз», или «суаз», которое к числу болгарских племен не принадлежало⁴⁶. Второе положение этого исследователя, недостаточно ясно сформулированное, касается того, что еще до прихода болгар в Среднее Поволжье проникли тюрки⁴⁷. Автор не отождествляет этих тюрков с народом «саваз», или «суаз», однако это можно сделать, привлекая некоторые другие данные.

В русских писцовых книгах по Казанскому уезду, составленных непосредственно после присоединения Казанского ханства к Русскому государству, встречаются любопытные указания на этническую принадлежность населения. Почти абсолютно во всех населенных пунктах указываются «служилые татары» и «ясачная чуваша», причем последняя численно преобладает. Когда же речь идет о выходцах из современной Чувашии, то оговаривается «из-за реки Суры». Таким образом, чувашами в Камско-Волжском районе называлась основная масса местного населения. Аналогичная картина наблюдается и на реках Вятке и Чепце, где болгарская колонизация отмечена с XII—XIII вв. После присоединения к Русскому государству этих территорий и здесь наряду с удмуртами (отяками) упоминаются чувашаи и татары. Характерно, что здесь чувашаи восприняли не татарский, а удмуртский язык (бесермяне). В связи с этим можно допустить, что основную массу населения не только Казанского ханства, но и Булгарского государства составляло население, называвшее себя «чуваша» или «суаз» — «сувар». Об этом же свидетельствует и известное письмо хазарского царя Иосифа, где рядом с именем — «бул'г'р» стоит «с'вар»⁴⁸.

Поскольку это население было не из числа болгарских племен, его можно считать древнетюркским, проникшим в Среднее Поволжье в эпоху великого переселения. Но для добулгарского населения Среднего Поволжья как раз весьма характерна плоскодонная горшковидная керамика, аналогичная той, которую мы находим и в бассейне р. Белой вместе с угорской. Наряду с керамикой полное сходство имеют и жилища (в виде полуземлянок). В Кушнаренковском могильнике на р. Белой встречены погребения с трупосожжениями в малых ямах, совершенно аналогичные обряду захоронения на Рождественском могильнике у устья р. Камы. В свете этого становятся гораздо более понятными многочисленные (более 200 слов) заимствования венгерского языка из болгарского (фактически же древнетюркского — местного, чувашского), а также происхождение таких личных имен в венгерском языке, как Белара и Алмош (первое отождествляется с названием булгарского го-

⁴⁴ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2, 1952, стр. 139.

⁴⁵ См. сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957.

⁴⁶ А. П. Ковалевский. Чувашаи и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 49.

⁴⁷ Там же, стр. 21.

⁴⁸ П. К. Коковцев. Европейско-хазарская переписка в X веке. Изд-во АН СССР, 1928, стр. 8—99.

рода Биляра, второе — с именем болгарского князя Алмуша, принявшего в X в. ислам).

Небезынтересно еще одно сопоставление. Византийский император Константин сообщает, что венгров одно время по какой-то причине называли савардами. Но это имя можно найти в названии племен «савир», или «сабир», обитавших в Западной Сибири,⁴⁹ и, конечно, в какой-то мере в приведенном выше «саваз», или «сувар». Изучение топонимики Западной Сибири позволит, по всей вероятности, и здесь найти отражение этого имени. В частности, весьма интересно название древнего городища «Под Чувашиами» у Тобольска, известное со времени завоевания Сибири Ермаком⁵⁰; название рч. Суварыш — притока р. Исети у г. Долматова; само название «Сибирь».

Материалы по истории заселения Западного Приуралья в I тыс. н. э. дают многочисленные свидетельства о притоке в III в. значительных групп угорского и тюркского населения из Западной Сибири. Судя по тому, что между этими двумя группами еще прослеживаются различия в элементах культуры, надо полагать, что смешение их произошло незадолго до прихода на новые территории, а возможно, и в период их движения. Дальнейшее хронологическое углубление исследования этого процесса является задачей историков Западной Сибири.

Слабая изученность вопроса не позволяет пока твердо и конкретно увязать западносибирские материалы с прикамскими. Но будем надеяться, что исследователи древней истории Сибири учтут бесспорный факт интенсивного притока тюрко-угорского населения в III в. н. э. на территорию Западного Приуралья и сибирское, по нашему представлению, происхождение этого населения.

⁴⁹ Эрик Мольнар. Указ. соч., стр. 98.

⁵⁰ В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894, стр. 237, 239.

